

Он был пешкой на шахматной доске, но в то же время третьим игроком, держащим фигуры в руках.

Он мог служить одной стороне, идти в атаку, а мог в любой момент перевернуть всю доску, если что-то шло не так.

Раз уж император Юаньтай не любил, чтобы его оружие имело слишком много собственных мыслей, то пусть он останется безоружным одиночкой.

Ведь пешка была недовольна.

— Ладно, хорошо, удивительно, что ты так откровенно признаешь, что ты ни на что не годишься, — Фу Шэнь, разгневанный, рассмеялся. — Но зачем тогда ты привез меня сюда? Почему просто не оставил меня умирать под дождем у ворот дворца?

Янь Сяохань равнодушно ответил:

— Конечно, потому что я жажду твоей красоты, маркиз.

Фу Шэнь: «...»

Как военачальник, привыкший к решительным действиям, он ненавидел атмосферу столичных интриг и лицемерия, что царила в чиновничьих кругах. Янь Сяохань, зная его характер, слегка усмехнулся и, прежде чем тот взорвался, успокоил:

— Фу Шэнь, хватит искать оправдания для меня.

Когда он перестал называть его «маркизом» и обратился по имени, словно сбросил доспехи, обнажив знакомый и далекий образ. Это был Янь Сяохань, каким Фу Шэнь знал его в самом начале.

— Выбрать сторону между военной властью и императорской — это одно. А просто помочь тебе — совсем другое. Мы знакомы много лет, я не могу просто смотреть, как ты погружаешься в эту пучину.

Как он сам сказал, Янь Сяохань слишком четко разделял «моральный долг» между друзьями и «моральный долг» при дворе.

Фу Шэнь наконец оказался без слов. Он не любил убеждать других словами, и сегодняшние вопросы уже были для него необычны. Его терпение иссякло, и он был недоволен «самоуничижением» Янь Сяохана. С мрачным лицом он спросил:

— Ты закончил?

Янь Сяохань сразу понял, что тот вот-вот взорвется. Фу Шэнь сначала был молодым господином, а затем стал генералом, привыкшим к тому, что его слова — закон. Иногда его гнев был... необоснованным.

Несмотря на это, Янь Сяохань, несмотря на грозовые тучи над головой, настаивал:

— Чуть позже я пришлю лекарство, не забудь...

Фу Шэнь холодно бросил:

— Убирайся.

Господин Янь, настоящий герой своего времени, тут же послушно замолчал и быстро удалился.

Этой ночью Фу Шэнь не мог уснуть из-за гнева. Нога ныла от боли, он ворочался на кровати, а в голове снова и снова звучали слова Янь Сяохана.

Он хотел спросить: если бы это был кто-то другой, из чувства дружбы, ты бы тоже привез его к себе домой, ухаживал бы за ним, не спал бы ночами, настойчиво напоминая пить лекарство?

Ты бы тоже шептал ему в ухо: «Почему ты не восстаешь?»

Не знаю, сколько времени прошло, но за окном поднялся ветер, дождь застучал по оконным рамам, и звук капель пробудил ноющую боль и легкую сонливость. Фу Шэнь закрыл глаза, стараясь отдохнуть, но вдруг его ухо уловило едва слышные шаги за дверью.

Это был Янь Сяохань.

Он замедлил дыхание, мастерски притворившись спящим, и только по звукам пытался понять, что делает другой. В голове проносились разные мысли, но ни одну он не мог удержать.

Фу Шэнь не хотел признавать, что на самом деле нервничал.

Янь Сяохань осторожно подошел к кровати. Фу Шэнь почувствовал тяжесть на ноге, затем угол одеяла приподнялся, и что-то теплое оказалось под ним. Закончив, он не задержался и так же тихо ушел, как и пришел.

Когда дверь бесшумно закрылась, Фу Шэнь открыл глаза и при слабом свете из окна увидел дополнительное одеяло на своей ноге. Нога касалась чего-то твердого и теплого, он протянул руку под одеяло и нащупал серебряную грелку.

За окном шелестел дождь.

Пораненная нога плохо циркулировала кровь, и даже под одеялом не становилось теплее. Он обычно не обращал внимания на боль, но, почувствовав тепло от грелки, внезапно осознал, насколько холодно было до этого.

Ты так же заботишься о «других»?

Фу Шэнь лег на спину, уставившись в потолок. Он думал, что, возможно, действительно не годится для придворной жизни. Командующий северной армии мог сразить врагов мечом, но оказался связанным одеялом и грелкой. Если он не может выбраться из этой мягкой ловушки, как он справится с невидимыми ударами в будущем?

— Черт возьми, — подумал он.

Может быть, из-за того, что перед сном он слишком много думал о Янь Сяохане и императоре Юаньтае, Фу Шэнь, который обычно не видел снов, вдруг увидел себя в юности.

Шестнадцать лет, он впервые встретил Янь Сяохана.

Восемнадцатый год правления Юаньтая, на праздник Холодной пищи, закат над императорским городом был величественным.

Весенний город, где повсюду летали цветы, и ветер Холодной пищи склонял ивы.

В этот день император Юаньтай отправился на поклонение предкам, сопровождаемый императорской гвардией. Фу Шэнь и его знакомые молодые господа отправились на прогулку, возвращаясь в город только к вечеру.

Был ранний весенний сезон, и в городе было полно гуляющих. Группа элегантных молодых господ въехала в город на лошадях, привлекая множество взглядов. Смелые девушки бросали в них платки или цветы, используемые для игр, и шум был не меньше, чем «бросание фруктов в повозку». Зрелище было впечатляющим, люди останавливались, и у ворот города наступила настоящая суматоха.

Вдруг сзади раздался топот копыт, и императорская гвардия в доспехах ворвалась в город. Толпа расступилась, и впереди кто-то кричал:

— Императорский кортеж, посторонитесь!

Люди собрались перед Фу Шэнем, те, кто был впереди, начали отступать, а те, кто сзади, не понимали, что происходит, и возникла давка. Когда гвардия уже почти налетела на них, Фу Шэнь быстро повернул лошадь, чтобы уступить дорогу. Но, повернувшись, он случайно уклонился от цветка, летящего ему в затылок.

Цветок, словно обладая разумом, облетел Фу Шэня и полетел прямо в лицо гвардейцу, проезжавшему мимо. Бросивший цветок, видимо, приложил немало сил, и Фу Шэню даже показалось, что он услышал свист воздуха.

— Провалило, — с отчаянием подумал он.

Бросить цветок молодому господину — это романтично, а бросить цветок гвардейцу — это все равно что просить смерти.

Гвардеец поймал цветок в воздухе и удивленно посмотрел в их сторону. Фу Шэнь быстро поднял рукав, чтобы закрыть лицо.

Гвардеец: «...»

Не успел он что-то сказать, как императорский кортеж въехал в город, гвардия расчищала путь, и люди начали кланяться. Фу Шэнь и его спутники были молодыми аристократами, и двое из них даже имели военные должности, так что они оказались в первых рядах.

Император Юаньтай заметил эту группу выдающихся молодых людей и специально остановился, чтобы поговорить с ними. Среди военных семья герцога Ина была самой влиятельной, поэтому Фу Шэня неизбежно выделили для поощрения. Он стоял на коленях на каменной мостовой, пока император не смилостивился и не продолжил путь.

Кортеж двинулся дальше, за ним шла императорская гвардия. Фу Шэнь почтительно ждал, пока император уедет, но вдруг копыта остановились прямо перед ним.

Он с недоумением поднял голову и встретился взглядом с глубокими, улыбающимися глазами.

Закат, как расплавленное золото, вечерние облака сливались, и в глубине весеннего ветра стоял человек.

Взгляд Фу Шэня скользнул с его глаз на руку, держащую поводья, и заметил, что в ладони тот держал розовый цветок.

...Это был тот самый гвардеец.

Фу Шэнь хотел снова поднять рукав, но было уже поздно. Он мог только смотреть, как тот слегка улыбнулся, тронул лошадь и уехал, бросив цветок ему в руки.

И приложил ровно столько силы, чтобы цветок застрял у ворота. Как будто... нарочно.

Молодой Фу Шэнь, словно загипнотизированный, встал, его взгляд был пустым, а улыбка, казалось, растворилась в закате, оставшись в его памяти.

— Эй, брат Фу, на что ты смотришь? Пошли.

Необъяснимо, он не выбросил цветок, а взял его в руку, сел на лошадь и, делая вид, что это случайно, спросил у соседа:

— Тот гвардеец... брат И, ты его знаешь?

Рядом с ним ехал наследник герцога Чэня, И Сымин, уже получивший звание генерала четвертого ранга в гвардии Цзинью. Услышав вопрос, он с презрением ответил:

— Ты о том парне? Брат, не говори, что я тебя не предупредил, это негодяй, не стоит тратить на него время.

Фу Шэнь:

— Что ты имеешь в виду?

И Сымин:

— Это генерал левой гвардии Лунъю, Янь Сяохань.

Фу Шэнь сразу понял: гвардия Цзинью была главной в Южной ставке, а Лунъю принадлежала Северной, и между ними всегда была вражда, поэтому И Сымин относился к нему с неприязнью.

И Сымин продолжил:

— Ты не знаешь, он приемный сын Дуань Линлун. Даже если он красивый, какая от этого польза? Кто знает, как он поднялся...

<http://bllate.org/book/15271/1347945>